

Гюнтер Розенфельд
(Берлин)

ПОВОРОТ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В 1933 Г.
И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Борьба вокруг вопросов войны и мира накануне второй мировой войны полностью относится и к истории советской внешней политики того времени¹. Необходимость новой стратегии и тактики советской внешней политики вытекала из изменившейся международной ситуации 1933 года – установления фашистской диктатуры в Германии. Этот факт равнялся возникновению опасного очага войны в центре Европы, он привел к обострению конфронтации между немецким империализмом и западными державами, то есть бывшими странами-победителями Версаля. Вследствие резкого антисоветского курса гитлеровского правительства он одновременно привёл к разрыву рапальской политики Германии по отношению к Советскому Союзу.

Хотя Советское правительство в течение 1933 года предпринимало повторные попытки улучшения советско-германских отношений и хотя оно побуждало гитлеровское правительство к восстановлению рапальской политики, все эти усилия оставались безуспешными². Советское правительство воспользовалось любой возможностью, чтобы показывать гитлеровскому правительству свою заинтересованность в продолжении рапальской политики. В этой связи разговор между тогдашним председателем Совнаркома В. М. Молотовым и германским послом Гербертом фон Дирксеном, состоявшийся 4.08.1933 г., был особенно важным. „Что касается взаимоотношений между СССР и Германией – сказал Молотов послу – то Советское правительство руководится основным принципом – сохранения и укрепления

---

¹ См. *История внешней политики СССР*, т. 1, Москва 1986, с. 271–272.

² См. G. Rosenfeld, *Sowjetunion und Deutschland 1922–1933*, Berlin 1984, S. 421 f.

дружественных отношений со всеми странами. Этот принцип применялся Советским правительством в отношении Германии прежде, он и теперь остаётся в силе"³.

Однако, руководство фашистской Германии держалось своего антисоветского курса. Антисоветские действия и провокации, в том числе нападения фашистской полиции на филиал советского торгового представительства в Гамбурге и запрет продажи газет „Правда” и „Известия” в Германии, продолжались. Осенью 1933 года они достигли своего апогея в так называемом „конфликте журналистов”. Конфликт возник, потому что гитлеровское правительство не разрешало советским журналистам участвовать в процессе по поджогу рейхстага и кроме того арестовало двух советских журналистов. Советское правительство со своей стороны ответило на это высылкой немецких журналистов из СССР.

Ввиду такого развития советско-германских отношений М. М. Литвинов в своей большой речи перед ВЦИКом 28.12.1933 г. подвёл ужасающий итог. „В течение десяти лет нас связывали с Германией тесные экономические и политические отношения” – сказал Литвинов. „Тем не менее наши взаимоотношения с Германией за последний год стали, можно сказать, неузнаваемыми. В Германии имели место выступления, заявления, действия, которые не только не соответствовали прежним нашим отношениям, но скорее давали повод думать, что эти отношения превратились в свою противоположность”⁴.

Внешнеполитическая ситуация стала для Советского Союза в течение 1933 года ещё более угрожающей, поскольку усилились тенденции образования антисоветского блока империалистических держав. Эти тенденции нашли своё особое выражение в заключении 15.07.1933 г. в Риме так называемого пакта четырёх между Великобританией, Францией, Германией и Италией⁵. Из-за противоречий между странами-участницами этот пакт, однако, не действовал и не ратифицировался. Немаловажным был тот факт, что Италия несмотря на идейную враждебность итальянского фашизма по отношению к СССР, тогда не была заинтересована в ухудшении италийно-советских отношений. Тут свою роль играли экономические причины, а также противоречия между Италией и Францией и боязнь экспансионистских планов гитлеровской Германии по отношению к Австрии и на Балканах. Интересен тот факт, что Муссолини в разговоре с Полномочным представителем СССР В. П. Потёмкиным 10.05.1933 г. осудил

³ Документы внешней политики СССР, т. 16, Москва 1970, с. 478.

⁴ Там же, с. 791.

⁵ См. Z. Mazur, *Pakt Czterech*, Poznań 1979.

антисоветскую политику Гитлера. При этом Муссолини подчеркнул, что „если бы Германия затеяла авантюру, направленную против Советского Союза, фашистская Италия ни в коем случае не поддержит её и не последует за ней по этому гибельному пути”⁶. Дальнейший ход истории, однако, показал, что внешняя политика Италии по отношению к Советскому Союзу накануне второй мировой войны шла другими путями, чем Муссолини здесь лживо уверял. Но в тогдашней ситуации было очень важно для советской внешней политики, что Италия пока не включилась в антисоветский фронт, а 2.09.1933 г. подписала с СССР договор о дружбе, ненападении и нейтралитете.

Тут следует хотя бы коротко указать на то, что внешнеполитическое положение СССР в 1933 году стало угрожающим не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Здесь агрессивная политика Японии стала, как выразился Литвинов в своей вышеназванной речи перед ВЦИКом, „сейчас самой тёмной грозовой тучей на международном политическом горизонте”⁷. Направленное Советским правительством 4.01.1933 г. в Японию повторное предложение заключить пакт о ненападении оставалось без ответа, а в 1935 г. Япония реагировала на него отрицательно. Более того: японские милитаристы на границах СССР и Монгольской Народной республики перешли к новым провокациям. В этой связи отчёты тогдашнего военного атташе германского посольства в Москве, полковника Отто Гартмана представляют немалый интерес. В отчётах конца 1933/начала 1934 годов он называет положение на Дальнем Востоке в связи с японской агрессией очень угрожающим. Так он пишет 27.12.1933 г.: „Советский Союз не хочет войны и делает всё, чтобы избегать её. Он на длительное время на Дальнем Востоке имеет только оборонительный интерес в сохранении территориальных владений [...] Потребность в покое для внутреннего строительства Советского Союза стоит явно на переднем плане. Нет никаких военных замыслов, противоречащих руководящей политической линии. Доброжелательная компенсация с Японией со стороны Советского Союза возможна, он стремится к ней”⁸.

Здесь поднимается вопрос, в каком направлении и какими средствами СССР своей внешней политикой реагировал на создавшуюся в 1933 году опасную ситуацию. Решающее значение имел несомненно тот факт, что СССР в рамках обеих первых пятилеток смог значительно укреплять свою материально-техническую базу, несмотря на то, что

⁶ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 429.

⁷ Там же, с. 793.

⁸ Отчёт Гартмана от 27.12.1933 г. *Краткая военная оценка положения на Дальнем Востоке*, Политический архив Иностранного отдела, Бонн, тайные дела 1920–1936 гг., Россия II ФМ 16, военный атташе в Москве, т. 1, л. Е 432938.

социалистическое строительство на основе сталинской концепции социализма проходило противоречиво. На XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин назвал поэтому среди тех факторов, на которые СССР в своей борьбе за мир мог рассчитывать, в первую очередь возрастающую экономическую и политическую мощь страны. Далее Сталин назвал и „моральную поддержку миллионных масс рабочего класса всех стран, кровно заинтересованного в сохранении мира” (причём он явно недооценивал манипуляцию этих масс империалистической политикой), а также „благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным мотивам в нарушении мира и которые хотят развить торговые отношения с таким исправным контрагентом, как СССР”⁹.

Когда Сталин это констатировал на XVII съезде, т.е. 26.01.1934 г., советское руководство в своей внешней политике уже перешло к новой стратегии и тактике. Эта новая стратегия и тактика основывались на анализе изменившегося положения в течении 1933 года и учитывали тот факт, что направленная на ревизию и экспансию внешняя политика фашистской Германии угрожает не только Советскому Союзу, но даже и непосредственным соседям Германии, прежде всего Польше и Франции. Из того факта, что СССР ориентировался на то, чтобы углублять сотрудничество с теми государствами, которые непосредственно находились под угрозой фашистской экспансионистской политики, вытекали для советской внешней политики важные выводы: они состоялись в том, что СССР теперь настоятельно выступал за сохранение созданной Версальским договором системы государств, несмотря на то, что он и впредь характеризовал Версальский договор как империалистический грабительский мир¹⁰. В связи с этой новой внешнеполитической ориентацией вопрос так называемого „Восточного Локарно” получил для советской внешней политики также новое содержание. До сих пор в советской внешней политике это понятие связывалось с направленным против СССР блоком восточноевропейских государств под руководством западных империалистических держав¹¹. Теперь советская внешняя политика видела свою задачу в стабилизации границ восточноевропейских государств против агрессивных замыслов гитлеровской Германии. Это, конечно, предполагало и интенсификацию сотрудничества с этими государствами.

На пути к этой новой ориентации во внешней политике Советского Союза, нашедшей своё выражение в решении политбюро ЦК ВКП(б)

⁹ И. В. Сталин, *Сочинения*, т. 13, с. 300.

¹⁰ „Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору [...] Мы не согласны с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны” (там же, с. 302).

¹¹ См. G. Rosenfeld, указ. соч., с. 238 ф.

от 19.12.1933 г., он предпринял несколько подготовительных шагов с целью мобилизации сил для отпора фашистских агрессий. Здесь следует особо назвать выступление представителя СССР на конференции по разоружению в Женеве. Выдвинутый на ней 6.02.1933 г. М. М. Литвиновым проект декларации об определении агрессора был, правда, отвергнут империалистическими державами, особенно Великобританией. Не было, однако, случаев, что именно непосредственные восточные соседи гитлеровской Германии, в том числе и прибалтийские государства, отреагировали положительно на советское предложение. Во время мировой экономической конференции в Лондоне в начале июля 1933 г. вместе с Советским Союзом десять государств подписали конвенцию об определении агрессора. 22 июля и Финляндия – одиннадцатая страна – заключила в Москве соответствующую конвенцию.

Особенно важным было для советской внешней политики углубление сотрудничества с Польшей и Францией на основе подписанных с этими странами в 1932 г. пактов о ненападении. Поэтому предложение польского министра иностранных дел Юзефа Бека, переданное 23 ноября 1933 г. Полномочному представителю СССР в Варшаве В. А. Антонову-Овсенко, установить „постоянный тесный контакт по вопросам разоружения со взаимной предварительной информацией и в стремлении к наибольшей согласованности выступлений” совпало с намерениями Советского правительства. Бек одновременно выступил за то, чтобы СССР и Польша совместно предприняли меры для обеспечения безопасности прибалтийских государств¹². Польское правительство, однако, сделало это предложение не исходя из серьезных намерений, а видимо из тактических соображений с целью рассеивания слуха о приближении Польши и гитлеровской Германии. Когда Советский Союз 14 декабря предложил польскому правительству проект совместной декларации об обеспечении мира в Восточной Европе и о независимости прибалтийских государств¹³, Варшава отклонила его. Польское правительство, наоборот, продолжало свой курс на сближение с фашистской Германией. После германо-польского заявления от 26.01.1934 г. в польской внешней политике антисоветские тенденции снова выступали сильнее.

Более благополучно развивалось с лета 1933 г. сотрудничество СССР с Францией, особенно после ухода гитлеровской Германии из Лиги наций. Министр иностранных дел Франции Жозеф Роль-Бонкур пригласил уже 20 октября советского посла В. С. Довгалецкого на беседу, в течение которой он подчеркнул, что „если положение

¹² Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 697–698.

¹³ См. там же, с. 747.

в Германии не изменится, то со временем встанет вопрос о дополнении франко-советского пакта, Лондонского пакта об определении агрессора пактом о взаимопомощи"¹⁴.

Без сомнения разработка и принятие политбюро решения от 19.12.1933 г. произошли с учётом всё усиливающегося советско-французского сотрудничества. Решение, состоявшееся из шести пунктов, предусматривало два важных шага: вступление Советского Союза в Лигу наций, а также заключение многостороннего пакта о безопасности, которое позже вошло в историю под названием „Восточного пакта“. В решении говорилось, что заключение этого пакта должно происходить „с обязательным участием Франции и Польши“¹⁵.

Летом 1934 г., однако, стало уже очевидным, что „Восточный пакт“ был неосуществимый, прежде всего, потому что ему противилось английское (британское) правительство и, конечно, гитлеровское правительство. Этот факт в конечном счёте имел роковое значение для вопроса европейской безопасности.

Месяц до встречи Довгалева с французским министром иностранных дел Литвинов в рамках своего визита в Вашингтоне познакомил президента США Френклина Рузвельта с идеей пакта о безопасности в районе Тихого океана. В дальнейшем выяснилось, что такой пакт наткнулся не только в Вашингтоне на сопротивление, но и у правительств в Лондоне и в Нанкинге, которые могли бы быть его участниками. В 1937 г. идею о пакте, обеспечивающем безопасность в районе Тихого океана, пришлось окончательно похоронить.

Важным результатом советской внешней политики, однако, была достигнутая в рамках визита Литвинова в Вашингтоне в ноябре 1933 г. договорённость об установлении дипломатических отношений между США и СССР. К этому решению США побудили не только экономические причины и признание политической силы СССР, оно было принято с целью при помощи сближения с Советским Союзом реагировать на агрессивные замыслы фашистской Германии и Японии. О своей беседе с Рузвельтом Литвинов 8 ноября сделал следующую запись: „Он подчеркнул, что мы находимся между этими опасностями, но что вместе с Америкой мы могли бы, может быть, эти опасности предотвратить“¹⁶.

В заключении мне хотелось бы уделить внимание на разработанные в конце 1933 – начале 1934 тогдашним Полномочным представителем

¹⁴ Там же, с. 577.

¹⁵ Там же, с. 876.

¹⁶ Там же, с. 609.

СССР в Германии Львом Михайловичем Хинчуком и его сотрудниками материалы (доклады). Эти материалы касались трёх проблем, которые тогда для советской внешней политики были особенно важными: „Украина в планах германского империализма”, „Германия и Япония в освещении германской фашистской прессы” и „Германо-английские отношения в первые 4 месяца 1934 года” (разработанный в начале мая 1934 г. материал)¹⁷. В материале о германо-английских отношениях говорилось о том, что фашистская Германия во что бы то ни стало стремилась к союзу с Англией, чтобы осуществлять захватнические планы в Восточной Европе. „Если дела развиваются в этом направлении”, говорится в названных материалах, „а для развития в другом направлении нет предпосылок, то время недалеко, когда следует учитывать серьёзное германо-английское сближение как практический фактор антисоветской политики в Европе”¹⁸.

Тем самым в материалах советского посольства в Германии вырисовывается развитие, которое осенью 1938 года в мюнхенской политике достигло своего апогея. Мюнхенская политика означала для советской внешней политики фактически исчерпание возможности стабилизации мира в Европе путём коллективной безопасности, хотя это стало окончательно очевидным только в апреле – августе 1939 г. Тогда советское руководство вновь должно было изменить свою внешнеполитическую стратегию и тактику.

Günter Rosenfeld

ZWROT W STOSUNKACH MIĘDZYNARODOWYCH W 1933 R. I RADZIECKA POLITYKA BEZPIECZEŃSTWA

W artykule autor omawia działania dyplomacji radzieckiej w nowej sytuacji zaistniałej w stosunkach międzynarodowych po dojściu faszyzmu hitlerowskiego do władzy. W pierwszych miesiącach po zdobyciu fotela kanclerskiego przez Hitlera Moskwa nie dawała żadnych powodów do zmiany kursu polityki zagranicznej Berlina wobec ZSRR, mimo widocznych antyradzieckich akcentów i demonstracji politycznej ze strony Niemiec.

Zmianę kursu polityki zagranicznej wobec Niemiec ogłosił Stalin dopiero na XVII Zjeździe WKP(b) w styczniu 1934 r. wychodząc z założenia, iż nowa polityka zagraniczna Niemiec rzeczywiście zagraża Związkowi Radzieckiemu. Tematem nr 1 nowej radzieckiej strategii było podejmowanie akcji na rzecz utrzymania systemu wersalskiego, co było przekreśleniem

¹⁷ Архив внешней политики СССР (МИД СССР, Москва), ф. 82, оп. 18, д. 15, л. 262–263.

¹⁸ Там же.

dotychczas lansowanej tezy o „grabieżczym pokoju wersalskim”. W związku z tym nowego wymiaru nabrał problem tzw. „Wschodniego Locarno”.

Następnie autor omawia m. in. próby współpracy ZSRR z Polską i Francją, inicjatywę podpisania paktu zbiorowego bezpieczeństwa w rejonie Oceanu Spokojnego i nawiązanie stosunków dyplomatycznych między USA a ZSRR. Przedstawia materiały z których wynika, że np. Niemcy już w końcu 1933 r. dążyły do zawarcia sojuszu z Anglią, aby „urzeczywistnić grabieżcze plany we Wschodniej Europie”. Zdaniem autora wtedy to zapoczątkowano proces, który doprowadził do polityki monachijskiej.